

ГОРОД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Ф. В. Шитиков

THE CITY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

F. V. Shitikov

В статье анализируются ключевые труды, в которых были предприняты попытки раскрыть социологическую сущность города, где городской образ жизни рассматривался как самостоятельное социокультурное явление. Классические работы Макса Вебера, Георга Зиммеля, Луиса Вирта, а также описания «городской» современности, сделанные Жанном Бодрийяром, позволяют определить характерные черты города как социокультурной организации, с особым типом социальных связей, специфика которых во многом определяют экспансивный характер развития современный урбанизации.

The paper analyzes the fundamental researches by Maks Weber, Georg Simmel, Louis Wirth and Jean Baudrillard considering the city and urban lifestyle as self-dependent sociological phenomena. The works of these well-known authors let define the fundamental traits of the city as a social community with a particular type of social relations whose specific nature determines the expansive grown of modern urbanization.

Ключевые слова: город, урбанизация, статусная дифференциация.

Keywords: city, urbanization, status differentiation.

Классик экологии Юджин Одум писал, что быстрая урбанизация в XX веке изменила лик Земли сильнее, чем все другие виды деятельности за всю историю, отмечая паразитарный характер города как элемента экологической системы, требующий для поддержания устойчивости огромного притока веществ и энергии извне и оттока различного рода отходов [8, с. 89 – 93]. Проблема эксплуатации городом своего сельского окружения особенно подчеркивается в марксизме, где история классово-антагонистических обществ отражается в противопоставлении города и деревни, а история капитализма является одновременно историей урбанизации.

В марксистской социологии фундаментальной причиной, объясняющей общественное развитие, и в том числе развитие городов, выступает, в конечном счете, объективный процесс производства материальной жизни, т. е. социальное само по себе не является самостоятельной инстанцией. Между тем, трактовки города и городского образа жизни как социокультурного феномена, детерминированного самим обществом, позволяют по-новому взглянуть на экономические и экологические проблемы роста городов.

Проблематика, связанная с исследованием городского образа жизни, выделением его сущностных особенностей, восходит к классикам социологии. Так, Макс Вебер в своей работе «Город» особенно акцентировал внимание на его экономической функции, связывая переход к городам современного типа с отказом от традиционных социальных связей (жесткой сословной дифференциации) к рациональным экономическим отношениям. Вебер, считает эту тенденцию ключевой для всей истории западного города, который уже с Афин и Рима, становился «местом перехода из несвободного состояния в свободное, благодаря возможности дохода, предоставляемым денежным хозяйством» [4, с. 362].

В схожем, имея в виду важность экономической составляющей города, ключе рассуждал Георг Зиммель, который отмечал, что глубокий контраст между городским и сельским образом жизни является фундаментальным для душевной жизни человека. Выделяя рассудочность, «интеллектуальный характер» как ключевую черту городских жителей, отличающую их от жителей сельской местности, он напрямую связывал ее с функциями городов как центров денежного хозяйства, которое подразумевает деловое отношение к людям и вещам («Но денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собой» [6]), тогда как отношения в малых, тесных кругах препятствуют деловой, «объективной» оценки, свойственной городским жителям. Концентрация огромного количества жителей в одном месте, которое не дает возможность установить личные отношения со всеми людьми, как это происходит в небольших поселениях, также является производной от хозяйственной функции города. В конечном счете, такое состояние сводится к определяющему признаку города как места «всепроницающего денежного хозяйства» [6]. Отсюда, следуя рассуждениям Зиммеля, исходит свойственный жителям города индивидуализм, безразличие к окружающим людям, замкнутость и обособленность.

В работе Вернера Зомбарта «Буржуа» город и капиталистические отношения являются неразрывным целым. Города выступают сосредоточением «торгашеского духа», рассмотрению которого посвящен труд Зомбарта [7].

Таким образом, даже этот краткий обзор работ авторов, обращавшихся к теме города, позволяет увидеть, насколько глубоко данная проблематика связана с процессами исторического развития, становления современной цивилизации и связанных с этим культурных изменений в обществе. На фундаментальный смысл этого явления для современности указал Луис

Вирт, отметив, что именно оттуда, из городов «расходятся круговыми волнами идеи и практики, именуемые нами цивилизацией» [5].

Рассуждая о городе с позиции социологии, Вирт выделяет урбанистические формы социальной организации – это количество жителей, плотность и гетерогенность. Если плотность и численность населения отмечались и Вебером, и Зиммелем как важнейшие признаки города, которые определяют отсутствие возможности знать лично всех членов населенного пункта, то признак гетерогенности стоит рассматривать именно как дифференциацию населения, связанную с экономическим ростом, центрами которого являются города. В тоже время, Вирт отмечает, что рекрутируя людей различного типа, создавая крайне дифференцированное население, город оказывает на людей нивелирующие влияние, которое сказывается в создании технических средств и институтов, ориентированных абстрактно, всеобщее, а не индивидуально и ситуативно. Это исходит из необходимости делового и промышленного производства, создающих особый деловой ритм и деловой тип личных связей, а также из непосредственно связанных с этим денежных отношений, проникающих во все сферы жизни и сводящих все к абстрактному денежному эквиваленту как мере всего. Вирт пишет: «Рука об руку с такой системой производства идет денежная система. По мере того как на базе этой системы производства шло развитие городов, личные отношения как основа прежней ассоциации вытеснялись денежными связями, предполагающими продажность услуг и вещей» [5]. Здесь мысли Вирта созвучны рассуждениями Зиммеля, который особо указывал на это свойство города: унифицировать различия, которые мешают хозяйственному и денежному производству, среди которых могут быть как индивидуальные отклонения, так и групповые традиции, стереотипы и модели поведения. Иначе говоря, городской образ оказывает существенное влияние на человека, стандартизируя определенным образом, нивелируя существенную часть индивидуальных различий. В то же время, являясь деловыми, промышленными центрами, города продуцируют категории различий, суть которых лежит в экономическом базисе города и выражается в стандартизации социальных связей в соответствии с массовыми требованиями. Коммуникация в городских условиях, таким образом, становится оптимальной, серийной. Городские условия воспроизводят коммуникацию и роли, которые в ней участвуют в соответствии с принципами массового производства.

Проблематику продуцирования социальной дифференциации и связанного с этим отчуждения личности, которая отмечалась Зиммелем и Виртом как характерная для городских условий, подробно, в рамках своих теоретических конструкций, раскрывает известный французский исследователь Жан Бодрийяр.

Анализируя логику экономического производства и социальной сферы, в своих работах Бодрийяр делал особый акцент на процессе классификации и статусной дифференциации, рассматривая которые, он пе-

реворачивает привычные трактовки, считая эти процессы не последствием экономического развития, а причиной. Таким образом, ключевым этапом, двигателем всей структуры производства является потребление, которое, однако, необходимо трактовать не как использование и трату, а как социальную коммуникацию. Поставив на первое место социальную функцию потребления, Бодрийяр опровергает рассуждения экономистов, где потребление служит удовлетворению реальных потребностей и максимизации удовольствия индивида, считая этот процесс объективацией (т. е. предания статуса объективных) идеологических установок, оправдывающих современную производственную систему. Собственно, сама модель индивида, где он не рассматривается больше ни через какие инстанции высшего религиозного порядка, а определяется через деятельность связанную с преобразованием природы (трудом) и свойственным его объективной сущности потребностям, является по Бодрийяру сугубо идеологической антропологической моделью, удовлетворяющей «запрос» экономики [2, с. 182]. Действительная же функция потребления подчинена логике социальной дифференциации, т. е. является средством ее осуществления («Потребление – это система, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений» [3]).

Таким образом, потребление является всегда обусловлено логикой социального, отличия современного потребления заключаются в том, что отношения и различия в обществе отныне целиком и полностью подчинены стимулированию производственного роста. Современное потребление, будучи функциональным, в смысле продуцирующем производственный рост, следуя Бодрийяру, является логичным и необходимым условием развития производительных сил, переходящим на индивидуальный уровень, что находит свое выражение в форме потребления знаков отличия. Этот процесс локализуется в городской среде, создавая условия абстрактной, т. е. сконструированной с помощью знаков, коммуникации между людьми.

В городских условиях скученности, всеобъемлющей коммуникации и возрастающей в связи с этим конкуренции, требования статусной дифференциации постоянно усиливаются. Этим города отличаются от небольших поселений или сообществ с традиционных укладом, где социальный спрос на дифференциацию относительно стабилизирован или, говоря точнее, обладает меньшей динамикой. Бодрийяр пишет: «Но в нашем обществе с характерной для него индустриальной и городской концентрацией, с гораздо большей плотностью и скученностью населения требование дифференциации увеличивается еще быстрее, чем материальная производительность. Когда вся социальная вселенная урбанизируется, когда коммуникация делается всеобъемлющей, потребности растут в соответствии с вертикальной асимптотой – не вследствие аппетита, а вследствие конкуренции.

Город – геометрическое место этой эскалации, этой дифференцирующей «цепной реакции», которую санкционирует тотальная диктатура моды» [3].

Таким образом, социальную гетерогенность как основную форму социальной организации города, которую Луис Вирт рассматривал как саму по себе, Бодрийяр исследует в контексте производства и потребления. Различия, образующие социальную гетерогенность, рассматриваются им ни как объективная необходимость, а как созданное, функциональное пространство, навязанный код различий. Из этого следует, что исток гетерогенности стоит искать в современном производстве, которое производит не только блага, но также социальные отношения и различия, экстенсивный рост которых позволяет поддерживать производство. Иными словами, если для Вирта город – это место практик, которое позволяет интегрировать действительные различные личностные типы в сложную, текучую структуру социальных ролей, что, в прочем, тоже несет в себе негативность нивелирования личностной уникальности, то для Бодрийяра сведенная к знаку, принадлежащему к функциональному полю значений живая личность «вымечена из функциональной вселенной» и современная апология личности которую мы видим в настоящее, выраженная в тенденции абстрактной персонализации с помощью знаков гомогенного, функционального пространства (что, например, сегодня отражается в проблеме создания имиджа) указывает лишь на отсутствие действительной личности и личных взаимоотношений.

Зиммель, который писал свой труд на 80 лет раньше Бодрийяра, в упомянутой работе «Большие города и духовная жизнь» в первую очередь ставил вопрос о поглощении индивидуума «общественно-техническими механизмами», а, подводя итог работы, озвучивал эту же проблему. В городских условиях, где «человек становится пылинкой перед огромной организацией предметов и сил», личностно-индивидуальная культура по мысли Зиммеля атрофируется под прессом объективной, отчуждающей культуры «всепроницающего денежного хозяйства» [6]. Однако, если, говоря об абстрактном характере отношений городских жителей, Зиммель указывает на денежную, деловую рациональность, присущую людям, т. е. отмечает абстрактность меновой стоимости, приводящей к отчуждению человека от непосредственного взаимодействия с другими, то Бодрийяр указывает на абстрактность коммуникации опосредованной знаками, ставшей частью производственного цикла. Для Бодрийяра вся система современных социальных отношений является закодированной и носит в высшей степени абстрактный характер, определенный потреблением как системой значений, языком современности.

Тем не менее, исследователи не противоречат друг другу: у Бодрийяра переход к созданию системы потребностей и непосредственно связанной с ней социальной дифференциацией является последовательным развитием производственной системы, где выделенная Зиммелем проблема абстрактности рационального денежного обращения, которая определяет

характер отчужденной городской жизни, является этапом, предвещающим такой порядок отношений, в котором потребление глубоко интегрировано в социальное. Код, становящийся тотальным, проникающий во все сферы жизни, в рамках которого происходит взаимодействие между людьми путем потребления, являющимся в действительности потреблением знаков отличия, становится для Бодрийяра наиболее коварной формой социального контроля.

Зиммель, однако, в нескольких строках предвосхитил порядок, генезис которого Бодрийяр подверг детальному анализу: «Однако решающим здесь является то, что городская жизнь превратила борьбу с природой за пропитание в борьбу за человека, что выгода, за которую борются, получается не от природы, а от человека. Ибо тут дело не сводится к одной только указанной специализации, но к чему-то более глубокому: продавец должен всегда стремиться вызывать в клиентах новые и особенные потребности» [6]. Особенность же людские потребности, как это разъясняет Бодрийяр, приобретают только тогда, когда как знак включаются в систему социальных статусов и отличий.

Современная городская среда, таким образом, представлена избытком социальных ролей или, говоря иначе, избытком функционального социального, где любая практика, будь то досуг, забота о собственном здоровье, теле и т. п., подчинена, в конечном счете, продуцированию социальных значений, функционирующих в рамках созданного и распространенного на всех кода коммуникации – *моды*.

Описывая проблемы личности в современных условиях существования, указывая, что условия сформированы логичным развитием производственной системы, Бодрийяр не возвращает нас к экономике в качестве последней инстанции, рассуждая в традициях, близких к символическому интеракционизму, в рамках которого логика обмена социальных значений, социальная форма располагаются впереди логики отражения влияния окружающей среды, внутренних стимулов и т. п. Бодрийяр постоянно указывает, что вопросы об истинной функции создаваемых человеком предметов могут быть раскрыты только в теориях социальной демонстрации. Однако, проблема заключается в том, что социальная интеракция, в рамках которой осуществляется формирование самости, является отныне полностью монополизированным механизмом, единственной целью которого является рост, неконтролируемое разрастание, где любые человеческие практики воспроизводятся только тогда, когда удовлетворяют потребностям роста. Это происходит в соответствии с логикой производительности, которую Бодрийяр трактует как метафизический принцип, что в контексте его работ означает неподтвержденный, недееспособный, основанный на «мета» – культурных принципах, двигатель «цивилизованного», городского общества.

В лекции «Город и ненависть» Бодрийяр задается вопросом: «И тогда хочется спросить, как же может ненавидеть и презирать самое себя цивилизация, ко-

торая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над своим собственным бесполезным построением, создавая города и метрополии, подобные огромным холостым механизмам, бесконечно себя воспроизводящим; эти фантомы – результат доведенных до абсурдных размеров капиталовложений, равно как и все большей их нехватки» [1].

Под понятием «отбросы», которое Бодрийяр предлагает модифицировать и расширить, здесь подразумеваются не только материальные отходы промышленного производства. Отбросом производственной

системы можно считать всю естественную природную среду, историю и, в конечном счете, самого человека. Все то, что не вписывается в искусственные, функциональные построения, удовлетворяющие потребностям роста, подвергается перекодированию, переконструированию в соответствии с требованиями гомогенной, искусственной среды обитания и социальной жизни, представляющей собой, по сути, поток неограниченного семиозиса. Точками наиболее интенсивной локализации этих процессов как раз и являются места концентрации городского образа жизни.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Город и ненависть / пер. с фр. Б. Нарумова // Логос. 1997. № 9. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656> (дата обращения: 16.03.2015).
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М., 2006. Режим доступа: http://development.placeforpeople.com/site_media/wizard/docs/Bodriyar_Obschestvo_potrebleniya_7.pdf (дата обращения: 06.02.2015).
4. Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем. под ред. И. Гревса. М.: КАНОН-пресс Ц: Кучково поле, 2001. 576 с.
5. Вирт Л. Избранные работы по социологии / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: ИНИОН, 2005. Режим доступа: http://www.inion.ru/files/File/2005_Virt.pdf (дата обращения: 15.12.2014).
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. // Логос. 2002. № 3 – 4. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 13.12.2014).
7. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Т. 1 / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филипова [и др.]. СПб.: Владимир Даль, 2005. 639 с.
8. Одум Ю. Экология / пер. с англ. Ю. М. Фролова. М.: Мир, 1996. 328 с.

Информация об авторе:

Шитиков Федор Владимирович – аспирант кафедры физической географии Бурятского государственного университета, fedor.shitikov@mail.ru.

Fedor V. Shitikov – post-graduate student at the Department of Physical Geography, Buryat State University.

(**Научный руководитель: Шагжиев Карл Шагжиевич** – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии Бурятского государственного университета, shagK@mail.ru).

(**Research advisor: Karl Sh. Shagzhiev** – Doctor of Geography, Professor at the Department of Physical Geography, Buryat State University).

Статья поступила в редколлегию 16.03.2015 г.